

В. Ф. Миллер

Отголоски иранских сказаний на Кавказе

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
В11

В11 **В. Ф. Миллер**
Отголоски иранских сказаний на Кавказе / В. Ф. Миллер – М.: Книга по Требованию, 2014. – 42 с.

ISBN 978-5-4241-9394-1

Отголоски иранских сказаний на Кавказе

ISBN 978-5-4241-9394-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

сохраняя каждое свое національное вооруженіе, но подчиняясь командѣ персидскихъ военачальниковъ ¹⁾). Конечно, нельзя думать, чтобъ соприкосновеніе закавказцевъ съ персами во время походовъ могло глубоко распространять иранскую культуру въ горахъ Закавказья. Но несомнѣнно, *многотыя* черты этой культуры какъ въ области матеріальнаго, такъ и въ области духовнаго быта, могли уже въ эти отдаленныя времена проникнуть на Кавказъ и сохраниться тамъ тѣмъ прочнѣе, что съ паденіемъ древняго персидскаго царства вліяніе Ирана на нѣкоторыя области Закавказья не прекращается, но продолжается при владычествѣ Парѣянъ и особенно усиливается въ періодъ средневѣковой персидской монархіи Сасанидовъ (отъ 226 до 651 г. по Р. Х.). Исторія Арменіи и Грузіи представляетъ длинный рядъ фактовъ, указывающихъ на политическое вліяніе иранцевъ на эти области. Уже во II в. до Р. Х. парѣянскіе Аршакиды склонны смотрѣть на Арменію, какъ на вассальную страну, и Митридатъ I (6-й аршакидъ) возводитъ на ея престолъ своего брата Вах'аршака. Вся исторія этой несчастной страны сводится въ періодъ парѣянскаго царства (отъ 250 г. до Р. Х.—226 по Р. Х.) къ происходившей въ ней ожесточенной борьбѣ между парѣянами и римлянами, причемъ въ различныхъ перипетіяхъ этой продолжительной войны на престолъ Арменіи восходили то парѣянскіе, то римскіе ставленники. Вмѣшиваясь свободно во внутреннія дѣла Арменіи, какъ ближайшей и сосѣдней страны, парѣянскіе цари простираютъ свое вліяніе и на болѣе отдаленныя области—Иберію, Албанію и привлекаютъ ихъ къ участию въ своихъ войнахъ съ римлянами и къ усиленію своего вліянія на Арменію. Еще рѣшительнѣе и свободнѣе распоряжаются въ Закавказьѣ могущественные цари династіи Сасанидовъ. Уже первый сасанидъ Ардеширъ I (226—240) подчинилъ себѣ Арменію, изгнавъ изъ нея слабые римскіе отряды, и съ тѣхъ

¹⁾ См. описаніе вооруженія закавказскихъ отрядовъ въ арміи Ксеркса у Геродота VII, 67, 78.

поръ армянскіе цари только время отъ времени выходятъ изъ подъ вліянія Сасанидовъ, если послѣднимъ измѣняетъ счастье въ войнѣ съ Римомъ и затѣмъ Византіей. Наконецъ въ 5-мъ вѣкѣ (428 г.) Армения утрачиваетъ и свою національную царскую династію и, какъ прочія области персидской монархіи, управляется персидскими *марзбанами*. Въ той части ея (Персарменіи), которая была во власти персовъ ¹⁾ Сасаниды, эти ревностные пропагандисты національной религіи персовъ—ученія Заратуштры, стараются силой оружія и интригами распространить государственную религію и вытѣснить христіанство. Особенно упорнымъ пропагандистомъ магізма является Іездегердъ II (438—457), котораго царствование можетъ быть названо послѣднимъ кровавымъ періодомъ борьбы ученія Заратуштры съ ученіемъ Христа въ Закавказьи (Арменіи, Иберіи, Албаніи). На успѣшность своей попытки Іездегердъ могъ разсчитывать (хотя послѣдствія показали, что онъ заблуждался), особенно въ виду того, что задолго до христіанства среди народностей Закавказья былъ распространенъ культъ иранскихъ божествъ. Тѣ немногія свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о дохристіанской религіи Арменіи и Грузіи, представляютъ намъ въ пантеонѣ этихъ странъ на ряду съ національными богами боговъ древне иранскихъ.

Такъ, дохристіанскимъ армянамъ были извѣстны иранскія божества: Арамаздъ (въ Авестѣ Ahura Mazda^o), богиня Анахита, Михрь (авест. Mithra) и друг. ²⁾, имѣвшія много храмовъ въ предѣлахъ Арменіи. Въ Грузіи процвѣталъ въ Мцхетѣ культъ Армаза, въ святилищѣ, сооруженномъ по преданію основателемъ первой грузинской династіи Фарнавазомъ (носящимъ кстати вполнѣ иранское имя) ³⁾. Этотъ

¹⁾ Другая половина Арменіи была подъ властью Византіи.

²⁾ См. Н. Эмина—Очеркъ религіи языческихъ Армянъ. М. 1864.

³⁾ Вахушта сообщаетъ, что статуя Армаза была громаднаго размѣра облаченная въ золото; глаза идола были сдѣланы изъ драгоценныхъ камней и блестящая корона изъ такихъ же камней украшала его голову. У подножія статуи совершалось религіозное празднество, сопровождавшееся обильными жертво-

иранскій культъ, смѣшавшійся въ Грузіи съ мѣстнымъ идоло-служеніемъ, былъ особенно поддерживаемъ правительствомъ съ тѣхъ поръ, какъ по прекращеніи (со смертью царя Асфагура въ 265 г. по Р. Х.) династіи Аршакидовъ въ мужской линіи, наслѣдницей престола осталась единственная дочь этого царя и высшее сословіе страны обратилось къ Шапору, персидскому царю, съ просьбой возвестъ на престоль Грузіи его сына Миріана, женивъ его на дочери Асфагура. Эта религіозная и династическая связь Грузіи съ Персіей продолжалась до эпохи водворенія въ Грузіи христіанства (въ 1-й четверти IV в.); но и послѣ религіознаго разрыва Сасаниды, пользуясь слабостью этого государства, не оставляютъ надежды искоренить новую религію, и послѣдней нерѣдко угрожала серіозная опасность, особенно въ царствованіе фанатика Іездегерда II, когда подъ вліяніемъ религіозныхъ преслѣдованій и пропаганды маговъ низшія сословія грузинскаго народа стали сильно уклоняться отъ христіанства ¹⁾. При сасанидѣ Кобадѣ (490—531) персы свободно хозяйничаютъ въ Грузіи и занимаютъ своими гарнизонами даже крѣпость въ Даріальскомъ ущельѣ, отрѣзая такимъ образомъ эту страну отъ сѣверо-кавказскихъ народовъ, которые нерѣдко являлись вспомогательными отрядами въ грузинскихъ и византійскихъ войскахъ. Преемникъ Кобада Хозро Аноширванъ (631—578) обращаетъ еще большее вниманіе на Закавказье—Албанію, Иберію—и на горные проходы. Онъ возстановляетъ крѣпость Дербендъ и учреждаетъ въ разныхъ областяхъ, прилегающихъ къ этому важному военному пункту, персидскія вассальства подъ управленіемъ наслѣдственныхъ шаховъ, которые для собственныхъ интересовъ должны были зорко охранять съ этой стороны персидскую границу. Опасность, угрожавшая христіанству въ Закавказьѣ, устранилась лишь чрезъ пятидесятилѣтіе по смерти Кобада, когда послѣ ряда поражений, нанесенныхъ

приношеніями—быковъ, барановъ, козъ и даже дѣтей и завершавшееся циркомъ. См. Вахушта и Баратовъ—Исторія Грузіи I, стр. 38, 45.

1) Баратовъ—Исторія Грузіи II, стр. 27.

императоромъ Иракліемъ персидскому царю Хозро Парвезу, Персія лишается своего политическаго вліянія на Кавказѣ. Императоръ разрушаетъ храмы поклоненія огню въ Ганзакѣ (нынѣ Елисаветполь) и другихъ мѣстахъ Закавказья, изгоняетъ изъ Грузіи въ 629 г. всѣхъ огнепоклонниковъ, отказавшихся принять христіанскую вѣру, и съ этого времени вѣковая борьба магізма съ христіанствомъ можетъ считаться оконченной, а черезъ нѣсколько лѣтъ, съ покореніемъ Персіи арабами (въ 642 г.), огнепоклонство лишается уже всякой внѣшней поддержки и падаетъ окончательно.

Однако вѣковое религіозное вліяніе Персіи на Кавказъ не могло не оставить даже послѣ своего прекращенія слѣдовъ въ народныхъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ. Такіе слѣды особенно въ восточной части Закавказья, подвергшейся при Аноширванѣ персидской колонизаціи, дѣйствительно были указываемы въ свидѣтельствахъ нѣкоторыхъ средневѣковыхъ писателей и въ нѣкоторыхъ народныхъ повѣрьяхъ и обрядахъ, сохранившихся до нашихъ дней. Но оставляя въ сторонѣ этотъ вопросъ, нуждающійся въ специальной разработкѣ, отмѣтимъ, что не менѣе сильно, чѣмъ въ вѣрованіяхъ, отразилось персидское вліяніе на южнокавказскихъ языкахъ. Множество персидскихъ словъ проникло въ грузинскій языкъ, а армянскій словарь преисполненъ ими до такой степени, что даже нѣкоторые лингвисты, принимающіе въ расчетъ лексическую сторону языка болѣе, чѣмъ фонетическую и морфологическую, склонны видѣть въ армянскомъ языкѣ языкъ иранской группы.

Переходя послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній къ вопросу о вліяніи Персіи на Закавказье въ области произведеній словесности, мы вступаемъ на почву еще совсѣмъ не разработанную и которую мы сами, конечно, не имѣемъ притязанія разработать. Мы желаемъ только указать на интересъ, который должны представить въ будущемъ систематическія изслѣдованія, предпринятыя въ этой области специалистами арменистами и иберистами для исторіи литературныхъ вліяній, подтвердить эту мысль нѣкоторыми

примѣрами распространенія завѣдомо иранскихъ (персидскихъ) сказаній на почвѣ Кавказа и приблизительно опредѣлить періодъ времени, въ теченіе котораго могло происходить это вліяніе Ирана на Закавказье.

Изъ иранскихъ эпическихъ героевъ, усвоенныхъ сказаніями кавказскихъ народностей, мы избираемъ двухъ наиболее популярныхъ, Рустема и Бежана. Имя перваго богатыря до сихъ поръ одно изъ употребительныхъ на Кавказѣ личныхъ именъ, а древній сказочный носитель его является общеизвѣстнымъ идеаломъ храбрости и силы. Такъ, при изображеніи совершенствъ какого нибудь сказочнаго царевича, рассказчикъ говоритъ, что онъ былъ прекрасенъ какъ Искандеръ Зюлькарнейнъ (Александръ Македонскій въ восточныхъ версіяхъ Александріи), уменъ, какъ Логманъ (извѣстный индійскій мудрецъ), *храбръ, какъ Рустема Залъ* ¹⁾. Между похождениями Рустема наибольшимъ распространеніемъ въ народныхъ кавказскихъ сказаніяхъ пользуется его встрѣча и битва съ роднымъ сыномъ, плѣнявшая народную фантазію своей глубоко трагической развязкой.

Разсмотримъ 3 версіи этого сказанія: *сванетскую, пшавскую и ссетинскую*.

По *сванетской* версіи, сообщенной въ газ. Иверія (1887 № 214) ²⁾, Ростомъ былъ туранецъ (sic), жилъ въ царствѣ Кекевоза (перс. Кей-Каусъ) въ „Караи“ (?) и проводилъ жизнь въ борьбѣ съ *дэвами* и кабанами. Онъ имѣлъ двухъ братьевъ—Гиви и Гургена и одного племянника Бежана, сына Гиви. Кекевозъ дорожилъ Ростомомъ, такъ какъ безъ него *дэви* погубили бы его царство. Когда *дэви* наводняли царство и похищали у жителей даже дѣтей изъ колыбели, тогда Ростомъ, по просьбѣ Кекевоза, истреблялъ ихъ и очищалъ царство. Когда Ростомъ состарился, Кекевозъ собралъ народъ и предложилъ позаботиться о томъ, чтобы

¹⁾ См. народн. сказки закавказскихъ Татаръ—Захарова въ Сборн. Мат. для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. VI, Отд. II, стр. 124.

²⁾ Русскій переводъ этихъ легендъ былъ обязательно сдѣланъ для насъ А. С. Хахановымъ.

Ростомъ оставилъ послѣ себя сыновей, которые продолжали бы дѣло отца и спасали отечество отъ дѣвовъ. Ростомъ, какъ герой, не хотѣлъ имѣть связи съ женщиной. На собраніи была одна женщина, которая вызвалась завлечь богатыря. Царь обѣщалъ ей большую награду, если она исполнить свое слово. Женщина пригласила Ростомъ на ужинъ, а послѣ ужина уговариваетъ его остаться у нея ночевать. Долго отказывался Ростомъ, но наконецъ согласился. Хозяйка приготовила три постели и на одну изъ нихъ указала Ростому. Когда богатырь заснулъ, она прилегла къ нему. Проснувшись, Ростомъ сильно разсердился на то, какъ осмѣлилась женщина лечь рядомъ съ богатыремъ, которому повелѣно отъ Бога не знать женщинъ, такъ какъ онъ посвятилъ себя исключительно геройскимъ подвигамъ, и перешелъ на другую постель. Но женщина и тутъ не оставила его въ покоѣ; она перешла къ нему, и когда онъ перешелъ на третью постель, снова послѣдовала за нимъ. Когда наконецъ она высказала подозрѣніе, что онъ лишенъ мужской силы, Ростомъ, устыдившись, долженъ былъ исполнить ея желаніе. На другой день, покидая ее, онъ объявилъ, что, въ случаѣ рожденія сына, она должна называть его Зурабомъ. Когда мальчикъ подростетъ и захочетъ пуститься на геройскіе подвиги, пусть она надѣнетъ ему на шею *шарни* (гривну) и привяжетъ его шлемъ къ сѣдлу: по этой примѣтѣ Ростомъ узнаетъ сына, если ему придется съ нимъ встрѣтиться. Дѣйствительно, у женщины родился сынъ, прекрасный, какъ звѣзда. Ночью онъ росъ на $\frac{1}{4}$ аршина, днемъ на 4 пальца. Когда онъ подросъ и выходилъ въ поле, то билъ всѣхъ сверстниковъ, не щадя и сыновей Кекевоза. Царевичи однажды упрекали его тѣмъ, что отецъ его пропалъ безъ вѣсти. Тогда Зурабъ отправился отыскивать отца, и мать передъ его отъѣздомъ надѣла на него *шарни*. На дорогѣ въ Караю Зурабъ встрѣтился съ дьяволомъ, принявшимъ видъ женщины. Эта женщина стала издѣваться надъ юношей, смѣясь надъ его женскимъ украшеніемъ и шлемомъ, привязаннымъ къ сѣдлу. Зурабъ, не

обративъ на это вниманія, ѣдетъ дальше. Діаволь въ другомъ видѣ снова встрѣчается ему и повторяетъ свои насмѣшки: Наконецъ послѣ 3-й встрѣчи съ діаволомъ, богатырь, выйдя изъ себя, прячетъ шарни въ карманъ и шлемъ подъ сѣдло. Прибывъ въ Караю, гдѣ охотился Ростомъ, Зурабъ до вечера убилъ столько звѣрей, что сдѣлалъ себѣ изъ ихъ костей палатку, гдѣ и расположился на ночлегъ. Замѣтивъ въ полѣ палатку, Ростомъ подѣхалъ къ ней и, не видя на пріѣзжемъ богатырѣ своихъ примѣтъ, вызываетъ его на поединокъ. Въ первой схваткѣ Ростомъ всадилъ Зураба въ землю до колѣнъ, а Зурабъ Ростомъ до спины. По обычаю богатырей поединокъ долженъ былъ возобновиться на второй и на третій день. Оставшись побѣжденнымъ вторично, Ростомъ замыслилъ хитростью убить пріѣзжаго богатыря. Онъ заказалъ кузнецу два копья и спряталъ ихъ въ своихъ ногавицахъ. Когда въ третьей сваткѣ Зурабъ повалилъ его, Ростомъ, лежа на землѣ, всадилъ оба копья ему въ животъ. Умирая Зурабъ проклиняетъ своего убійцу и грозитъ ему мщеніемъ Ростомъ, своего славнаго отца: „взойдешь ли ты, говоритъ онъ, на скалу, Ростомъ обратится туромъ и догонитъ тебя; пустишься ли въ море, онъ поплыветъ за тобою форелью; войдешь ли въ землю, онъ обратится въ крысу и не оставитъ мою смерть безъ отмщенья“. Пораженный горемъ, Ростомъ распрашиваетъ сына, и тотъ объясняетъ, почему онъ скрылъ свои примѣты. Ростомъ старается излѣчить раны сына, но напрасно: Зурабъ уже похолодѣлъ. Тогда въ отчаяніи отецъ обращается съ молитвой къ властителю міра и даетъ обѣтъ 12 лѣтъ просидѣть въ ямѣ, не видя солнца, если воскреснетъ Зурабъ. Выкопавъ затѣмъ яму въ 12 сажень глубины, онъ сходитъ въ нее съ трупомъ сына и сидитъ въ ней безъ пищи и питья. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подзываетъ къ ямѣ дьякона царя Кекевоза и посылаетъ его просить у царя для Зураба воды, воскрешающей мертвыхъ. Коварный царь даетъ дьякону чашу воды, но приказываетъ ему, подходя съ нею къ Ростому, нарочно оступиться и пролить

воду; иначе, говоритъ онъ, „Ростомъ съ такимъ сыномъ богатыремъ отнять у насъ царство“. Дьяконъ исполнилъ приказаніе царя, но Ростомъ, разгадавъ ихъ хитрость, посылаетъ изъ ямы угрозы дьякону и царю.

Десять лѣтъ уже сидитъ Ростомъ въ ямѣ. Борода у него отросла до ногъ. Онъ продѣлъ волосы бороды между пальцами Зураба, сдѣлавъ такимъ образомъ „чѣланури“ (скрипку) и наигрываетъ на ней печальные мотивы, воспѣвая несчастное убійство сына. Между тѣмъ дѣви и кабаны наводнили царство Кекевоза. Братья Ростомъ—Гиви и Гургенъ—не способны были защитить страну; племянникъ, Бежанъ, былъ совсѣмъ молодъ. Кекевозъ проситъ Гиви послать сына его Бежана противъ враговъ. Гиви исполняетъ просьбу царя и посылаетъ Бежана, давъ ему въ руководители его дядю Гургена... (Далѣе въ сванетскомъ сказаніи слѣдуетъ описаніе походовъ Бежана, которыя мы рассмотримъ позже). Послѣ того, какъ Бежанъ былъ заключенъ царемъ Афросуапомъ въ яму, Кекевозъ возлагаетъ всю надежду на одного Ростомъ и посылаетъ къ нему дьякона съ мольбой о помощи. Дьяконъ, наступивъ на камень, закрывавшій яму Ростомъ, кричитъ ему грознымъ голосомъ: „встань, старикашка, безъ тебя дѣви и кабаны разорили насъ!“. Ростомъ, выведенный изъ себя этой дерзостью, бросаетъ трупъ Зураба, въ которомъ уже начинали показываться признаки жизни, выходитъ изъ ямы и приказываетъ дьякону достать бритву и осла, навьюченнаго пулями. Дьяконъ исполняетъ приказаніе. Тогда Ростомъ сбрилъ ему бороду и положилъ его подъ осла и сказалъ: „если несправедливо поступилъ со мною дьяконъ, то я разсѣку однимъ ударомъ осла, навьюченнаго пулями, и дьякона, чрезъ котораго я второй разъ убилъ сына“. Дѣйствительно, однимъ ударомъ онъ разсѣкъ осла и дьякона и всадилъ мечъ въ землю на 12 сажень. Затѣмъ онъ идетъ къ царю. Кекевозъ съ двумя сыновьями выходитъ ему на встрѣчу, но Ростомъ, помня его коварство, раздавилъ царевичамъ головы, чтобы и Кекевозъ почувствовалъ, какъ тяжело потерять сына.

Сдѣлаемъ теперь нѣсколько замѣчаній по поводу приведеннаго сванетскаго сказанія.

Сравнивая его съ извѣстнымъ эпизодомъ о Рустемѣ и Зорабѣ, поэтически обработаннымъ поэтомъ Фердуси, мы находимъ въ сванетскомъ пересказѣ какъ бы остовъ этого иранскаго преданія, но остовъ не той редакціи, которую находимъ у тусскаго поэта, а какой-то, повидимому, болѣе простой и вѣроятно болѣе ранней. Впрочемъ, слѣды болѣе грубыхъ изводовъ проглядываютъ и у Фердуси, который, какъ поэтъ и эстетикъ, старался внести въ свой пересказъ болѣе изящества и благородства.

Сванетская женщина, грубо преслѣдующая Ростомъ, польстившись на царскую награду, такъ же мало напоминаетъ изящную Техминэ Фердуси, какъ наша баба Горынична въ ея связи съ Ильей Муромцемъ. Однако Фердуси не настолько уклонился отъ древняго преданія, чтобъ совсѣмъ замаскировать ту черту, что инициатива той любовной связи, отъ которой произошелъ Зорабъ, принадлежала не Рустему, а Техминэ. Послѣдняя ночью проникаетъ въ спальню Рустема, признается ему въ страстной любви и желаніи имѣть отъ него сына. Не трудно видѣть, какія были ближайшія послѣдствія этого ночного визита. Но Фердуси, желая соблюсти законныя формы, говоритъ, что Рустемъ, выслушавъ любовное признанье, согласился стать мужемъ царевны, послалъ *мобедъ* (жреца) испросить согласіе ея отца на бракъ, и царь, обрадованный этимъ, устраиваетъ свадьбу, согласно съ обычаями страны ¹⁾.

Далѣе въ сванетской версіи отсутствуетъ цѣлый рядъ деталей извѣстныхъ изъ Фердуси. Она ничего не знаетъ о выборѣ Зорабомъ коня предъ отправленіемъ въ Иранъ, о присылкѣ властителемъ Турана Аорасіабомъ войска Зорабу и обоимъ полководцевъ Бармана и Гумана, которымъ поручено всячески препятствовать Зорабу узнать своего отца Рустема, о взятіи Зорабомъ *блани* замка, о его битвѣ съ

¹⁾ Mohl—Le livre des Rois, t. II, p. 62.

амазонкой Гурдаферидой, о вызовѣ царемъ Кей-Каусомъ Рустема при извѣстїи о побѣдахъ Зураба надъ иранцами и о походахъ Рустема, предшествующихъ его встрѣчѣ съ сыномъ ¹⁾. Послѣ второго неудачнаго для него боя, Рустемъ у Фердуси не прибѣгаетъ къ такому коварству, какъ сванетскій Ростомъ. Онъ только проситъ божество возвратить ему въ полномъ объемѣ его прежнюю силу, отъ части которой онъ нѣкогда самъ отказался, такъ какъ погрязалъ отъ тяжести въ землю. Получивъ свою силу обратно, Рустемъ повалилъ Зураба и распоролъ ему „грудь бѣлыя“. Въ окончанїи рассказы персидскїй и сванетскїй также значительно расходятся. Оба сохранили ту подробность, что Рустемъ обращается къ царю Кей-Каусу за „живой“ водой; но, по версїи Фердуси, царь просто отказываетъ посланному Рустемомъ Гудерзу въ воскрешающемъ средствѣ; сванетская же версїя вводитъ какого то коварнаго *діакона*, проливающего „живую“ воду по приказу Кекевоза. Далѣе Фердуси описываетъ подробно обрядъ оплакиванья Рустемомъ убитаго сына, прекращеніе войны съ Тураномъ, путешествіе Рустема съ войскомъ, сопровождавшимъ похоронныя носилки, въ Забулистанъ, плачъ старика Заля надъ трупомъ внука, построеніе Рустемомъ склепа, но ничего не говоритъ о долготнѣмъ пребыванїи въ немъ Рустема и объ убїенїи послѣднимъ двухъ сыновей Кей-Кауса. Всѣ эти черты несходства между разсмотрѣнными версїями древне-иранскаго сказанїя указываютъ на то, что въ основѣ сванетскаго пересказа долженъ лежать не тотъ изводъ, который поэтически обработалъ Фердуси.

Переходимъ къ *шавскому* сказанїю о Ростомѣ, сообщенному въ газ. „Иверїя“ (1889 № 82).

Однажды богатырь Ростомъ увидѣлъ высокую скалу, съ вершины которой капала кровь. Онъ приставилъ къ скалѣ чинарь, взобрался на вершину и нашелъ тамъ исполинскаго чернаго араба. Великанъ сидѣлъ, всадивъ въ землю меж-

¹⁾ Ibid. стр. 66—117.